

Заглавие документа	Ономасиологические категории в топонимии // Мова і культура (Науковий журнал).– Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго. – Вип. 11. – Т. VII (119). – С. 158–163.
Авторы	Копач О.И.
Тема	Языкознание
Дата публикации	2009
Аннотация	В статье обосновывается разграничение ономасиологического и семантического аспектов исследования топонимии, а также рассматриваются ономасиологические (содержательные) категории топонимов – идиоматизация, мутация и модификация. В качестве материала исследования используются собственные имена небольших по размеру географических объектов Беларуси, Словакии и США.

В исследованиях семантики языковых единиц ономасиология (теория номинации) обычно противопоставляется семасиологии – теории значения. Эта оппозиция предопределяется двусторонней сущностью знака (план содержания и план выражения) и, соответственно, двумя путями его исследования: можно оттолкнуться от содержания и рассмотреть разные его трансформации в языковых формах – это будет ономасиологический подход, а можно взять за отправную точку форму и выяснить все возможные ее значения – и это уже подход семасиологический. По О. Есперсену, «любое языковое явление можно рассматривать либо извне, либо изнутри...» [1: 32–33]. В коммуникации ономасиологическими структурами (изнутри) пользуется говорящий, семасиологическими (извне) – слушающий.

Разница между двумя подходами в лингвистике отмечалась с давних времен [2: 129], но до сих пор больше внимания уделялось форме, чем содержанию: «человеческий язык исследовался больше как средство материализации мышления, в то время как изучение языка как средства идеализации предметного мира, средства освоения и объективации последнего в процессе трудовой деятельности исследовались в гораздо меньшей степени» [3: 11]. Еще меньше работ, исследующих путь от значения (содержания) к форме лексической единицы, отмечено в топонимике, хоть ономасиология и считается «вотчиной» ономастики.

Ономасиологический анализ топонимии до сих пор приравнивается к анализу семантики топооснов. За исходный пункт анализа здесь, так же как и при семасиологическом подходе, берется форма топонима, ведется поиск нарицательных и собственных имен, мотивирующих эту единицу языка; определяется наиболее обоснованная мотивация топонима и – на ее основе – топонимный формант. Если присмотреться к тому, что до недавнего времени называлось ономасиологическим изучением топонимии, можно отметить явный уклон в сторону словообразования, несмотря на то, что «в центре внимания ономасиологии по сравнению со словообразованием находится техника создания новых понятий и устройство их структуры, а затем уже описываются способы материализации данных понятий» [4: 12].

В данной статье обосновывается разграничение ономасиологического и семантического аспектов исследования топонимии, а также рассматриваются ономасиологические (содержательные) категории топонимов. В качестве материала исследования используются собственные имена небольших по размеру географических объектов Беларуси, Словакии и США. Общее число проанализированных единиц превышает 15000 [5; 6; 7;8].

Очевидно, что *семантика полноценного языкового знака не равноценна семантике его основы*. Целостный топоним включает в себя не только топооснову, но и топоформант, а также отношения, которые связывают две части новообразованной номинативной единицы. Именно целостности, по нашему мнению, не хватает большинству исследований плана содержания географических имен собственных.

По традиционной словообразовательной схеме анализа онимов начинать их изучение следует с поиска мотивирующего признака. В результате определяются топооснова и топоформант. Традиционно далее следует двигаться от производящего к производному. Если анализировать топоним таким способом, то мы идем от признака одного объекта к признаку другого объекта – объекта совершенно другой природы и происхождения; например, от собственного имени реки к собственному имени болота: амер. *Alder Brook* >

Alder Brook Swamp, Bell Creek > *Bell Creek Swamp*, бел. *Арэса* > *Арэскае балота*, *Дзітва* > *Дзітвянскае балота*. Однако природный объект *болото* существенно отличается от природного объекта *река*. Подобный взгляд на ономаσιологическое исследование не вполне согласуется с определением ономаσιологии, данным, например, в БЭС «Языкознание», где ономаσιология определяется как «направление исследования от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлении и к их обозначению языковыми средствами» [9: 345]. Говоря о топообъектах, мы не можем не учитывать того, что это именно объект, а не признак или действие.

И здесь, наверное, нелишне вспомнить о работах чешского лингвиста М. Докулила, в которых рассматриваются понятия «ономаσιологическая структура», «ономаσιологический базис», «ономаσιологический признак», а ономаσιология изучается не только как наука о мотивации. По М. Докулилу, понятия «субстанция», «действие», «признак» представляют собой самые общие категории, которые не ограничиваются примерами существительных, глаголов, а скорее «наложены поверх» классов слов. Эти понятийные категории работают в связи с логико-семантическими категориями. Их отношение к классам слов не прямое, опосредованное, зависимое от особой ономаσιологической структуры, от того, какие морфемы выбираются для того, чтобы им соответствовали компоненты ономаσιологической структуры. Суффиксы находятся на одном уровне с корневыми морфемами и могут представлять соответствующие понятийные категории.

Ономаσιологический базис служит основой обозначения, показателем категориальной принадлежности новой номинативной единицы, ономаσιологический признак уточняет, дифференцирует в ряду однородных представителей категории. Так, в гелониме *Bear Swamp* ‘медвежье болото’ роль базиса играет субстантивный компонент со значением ‘болото’ (имя указывает на объект), а признак выражен названием животного, а в гелониме Каменка суффикс *-ка* рассматривается как субстантиватор / базис, а мотивирующая основа *камен-* – как дифференциатор / признак.

Чувственное познание объекта сначала заставляет человека определить его природу и только после этого прибегать к единичным признакам, тем более что «обозначение предмета словесным знаком опосредовано понятием о нем» [3: 31]. И это понятие является, прежде всего, понятием о предмете, а не о его признаке. Не без оснований большинство топонимных формантов имеют субстантивную природу или, по крайней мере, предполагают наличие субстантиватора, т. к. признак не может существовать без своего носителя. Следовательно, начинать рассмотрение собственных имен географических объектов нужно с субстантивного компонента. Только выражен он может быть по-разному в простых и составных именах.

Если для крупных топообъектов наиболее популярным способом образования является суффиксация (и, соответственно, самыми многочисленными оказываются простые, однословные наименования, субстантиватором в которых выступает суффикс), то в названиях незначительных по размеру топообъектов сохраняется продуктивность сложных и особенно составных собственных имен. В последних обычно отмечается наличие в качестве субстантиваторов географических терминов типа **бел.** *рака, возера, балота* и т.д.

В пределах одного вида объектов подобные составные имена являются самыми продуктивными, составляя тем самым ядро лексики, номинирующей эти объекты: **англ.** *English Channel, Sarclot Head, Bardon Hill*; **амер.** *Big Swamp, McCaslin Marsh, Bear Rock Swamp*; **слов.** *Červený potok, Čierna skala, Kováčov potok*; **бел.** *Глухі Мох, Васілеўская Амиара*. Кроме того, среди имен микрообъектов нередки случаи, когда собственное имя включает в себя только географический термин: **англ.** *the Run, the Swale, the Peak*; **амер.** *the Cove, the Desert*; **слов.** *Potok, Hať, Močar*; **бел.** *Возера, Горы, Балота, Рака*. Таким образом, минимальная единица, способная играть роль топонима, представляет собой термин без топоформанта. Начиная с первой стадии освоения, человек обращается к предмету и фиксирует в нем уже известное ему, классифицированное качество – указание на вид объекта.

Однако географический термин, находящийся в пределах топонима, не всегда соответствует современному состоянию географического объекта. Часты случаи, когда в названии реки встречаются слова *канал*, *озеро* и т.д., а в названии болота – слова *лес*, *луг* и т.д. Причем это могут быть как однословные: **амер.** *the Cove, the Desert*; **бел.** *Возера, Горы* – так и многословные имена других объектов: англ. *Anvil Meadow*; бел. *Сасновыя Зараслі* (все – в названиях болот). Ни артикль, ни номенклатурные термины не являются в этих примерах средством преобразования имен других сфер в гелонимы (этому противоречит их семантика), а служат только средством констатации присутствия объекта. Все упомянутые средства появились в тот момент, когда они были озером, пещерой, пустыней и т.д. или находились в непосредственной близости от них.

Языковые особенности имен обоих описанных типов сближаются в том, что и те, и другие не отличаются от слов, которые их мотивировали. Они подобны фразеологизмам. Это позволяет назвать ономаσιологическую категорию, активирующуюся при номинации объекта подобным образом, **идиоматизацией**. Названия болот **бел.** *Вялікі Лес, Пушча, Гай* и небольших рек **слов.** *Brašková dolinka, Kušpálov jarok* не изменяют свой субстантивный компонент ни на “болотный”, ни на “речной”, а имена бел. *Балота, Мох* и т.д. абсолютно не отличаются от апеллятивов, их породивших. Все имена, образованные за счет идиоматизации, не выполняют, строго говоря, своей индивидуализирующей функции, т.к. имеют соответствия в апеллятивной или проприальной лексике. Здесь еще не появляется дифференциатора.

Появление в составе топонима собственного дифференцирующего компонента означает актуализацию в собственных именах не только категории предмета, но и категории признака: **бел.** *Бярозавае балота, Мядзведня, Чысцік*; **амер.** *Big Swamp, McCaslin Marsh, Bear Rock Swamp*; **слов.** *Čierny potok, Dlhý potok, Hárnorský potok*. Их взаимодействие можно определить в терминах М. Докулила как ономаσιологическую категорию **мутации** – преобразования значения единицы, при котором исходное родовое понятие (субстанции) ...конкретизируется отношением к другому понятию (признак) [10: 102].

Данная ономаσιологическая категория – центральная для большинства гидронимов. Об этом говорит наибольшее количество топонимов, в которых эксплицитно отмечаются признаки объекта и логика топонимной номинации, направленная на индивидуализацию, конкретизацию общих понятий. Можно сказать, что название объекта, образованное с использованием ономаσιологической категории мутации, является типичным представителем топонима, его «средним классом». Однако это не последняя ономаσιологическая категория.

Изменения, происходящие в природе заставляют номинатора искать дополнительный дифференцирующий признак в том случае, когда в непосредственной близости друг от друга встречаются два и более идентичных имени. Традиционное словообразовательное исследование относит названия болот типа *Big Bear Swamp* (при наличии рядом болота *Bear Swamp*) к числу отономастических гелонимов, созданных при помощи присоединения к производящей основе вторичного атрибута. То есть упор делается на название другого болота. Однако это не совсем верно. Названия болот, образованные на стадии поиска дополнительных признаков, будут отономастическими только с точки зрения словообразования в узком смысле, взаимодействия исключительно языковых знаков. В плане ономаσιологическом такие примеры нужно отнести скорее к числу единиц, в которых происходит материализация нового, дополнительного признака.

С формальной точки зрения ономаσιологический базис нашего примера поликомпонентен (*Bear Swamp*), т.к. содержит 2 отдельно оформленные единицы, но по отношению к названию *Big Bear Swamp* он представляет собой неделимый знак, т.к. он уже зафиксирован как особый компонент реальности (тема). Если в названии *Bear Swamp* роль дифференциатора играет название животного, то в гелониме *Big Bear Swamp* эту роль играет признак размера, но размера относительного, существующего в связке с еще одним (или более) гелонимом. Отличие названий, образованных на стадии поиска вторичных признаков, от группы отгелонимных названий состоит в том, что в них

фиксируется «неодносторонняя семантика»: бел. *Вуглацкае* ‘болото, расположенное возле болота *Вуглата*’; ср. *Вялікае Воўчае* ‘болото, которое находится возле болота *Воўчае* и отличается / отличалось от него большим размером’. Факт своеобразной двусторонности семантики заставляет нас отнести подобные примеры в отдельную группу. Следуя терминологии М. Докулила, назовем ономаσιологическую категорию, которая существенно не изменяет исходного понятия, а только прибавляет к нему дополнительный признак [10: 102], **модификацией**.

Таким образом, ономаσιологический анализ топонимов, как и единиц общей лексики, осуществляется на основе изучения деривационного ряда, однако он не сводится только к определению производящей основы и дериватора, а также простой констатации их категориальных характеристик. Логика топонимной номинации заключается в необходимости определения отличительного признака объекта некоторого топонимного класса, а потому с необходимостью отражает в структуре своих номинативных единиц взаимодействие категорий субстанции и признака. Разновидности этого «контакта» в гелонимии (топонимии) отражены в 3 ономаσιологических категориях, свободных от непосредственной связи с семантикой и синтаксисом, – категориях идиоматизации, мутации и модификации. Традиционное ономаσιологическое исследование гелонимов дает сетку семантических моделей, в которой отражены единицы языка, послужившие ономообразовательной базой гелонима (т.е. топоосновой). Распределение же семантической информации по ономаσιологическим категориям отмечает не только формальное, но и содержательное членение топонимных знаков – выявляет типы смысловых структур, осуществляющих связь старого и нового представлений об объекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 406 с.

2. Даниленко В.П. Ономаσιологическое направление в истории грамматики // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – С. 108–131.
3. Языковая номинация: (Общие вопросы) / А.А.Уфимцева, Э.С.Азнаурова, Е.С.Кубрякова и др.; Отв. ред. А.Н.Серебрянников. – М.: Наука, 1977. – С. 7–98.
4. Кривченко, Е.Л. Очерки по ономаσιологии. – Саратов, 1989. – 132 с.
5. Кадастровый справочник. Торфяной фонд Белорусской ССР. По состоянию разведанности на 1 января 1978 г. (по каждой из областей) – Минск, 1979.
6. Krško, J. Hydronymia povodia Turca. – Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, Fakulta humanitných vied, 2003. – 167 s.
7. Sičáková, L. Hydronymia slovenskej časti povodia Slanej. – Prešov: Pedagogická fakulta UPJŠ, 1996. – 108 s.
8. USGS GNIS National Mapping Information // United States Geographic Society: Geographic National Information System. – El. resource: <<http://geonames.usgs.gov/pls/gnis>>.
9. Кубрякова Е.С. Ономаσιология // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 345–346.
10. Dokulil, M. Tvoření slov v češtině: v 2 d. – Praha: Nakladatelství ČSAV, 1962. – 1. díl. Teorie odvozování slov. – 219 s.